

МОНАСТЫРИ РУССКОГО СЕВЕРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ А. С. ПРУГАВИНА И С. А. ПРИКЛОНСКОГО¹

Кузнецова Наталья Юрьевна

Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина 33,
185910, Петрозаводск, Россия;

аспирант 1 года обучения

Научный руководитель: д. и. н., профессор, зав. кафедрой А. М. Пашков

foliage. 07@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется роль, которую сыграли в развитии краеведения на Русском Севере в XIX — начале XX в. различные группы краеведов. Автор рассматривает представителей краеведения, вышедших из среды чиновничества и политических ссыльных: олонецкого коллежского секретаря, народнического публициста и исследователя Карелии А. С. Приклонского (1846—1886) и политического ссыльного, ставшего затем известным исследователем старообрядчества А. С. Пругавина (1850—1920). В статье рассматривается один из частных аспектов их исследований, а именно, вопрос о деятельности монастырей на Русском Севере. Оба автора придерживались схожих политических взглядов, а именно идеологии народничества, поэтому они рассматривали специфические функции северных монастырей, такие как пенитенциарная и хозяйственная

Ключевые слова: народничество; С. А. Приклонский; А. С. Пругавин; Русский Север; старообрядчество.

Эпоха Просвещения, лишившая латынь статуса общемирового языка науки, подарила миру «Энциклопедию» Дени Дидро, популяризировавшая научное знание, оказала важную услугу и историческим наукам. Именно благодаря влиянию идей Просвещения в России в XVIII веке возникает особое направление в изучении местной истории — краеведение. Расцвет историко-научного изучения отдельных территорий Российской Империи пришелся на период середины — второй половины XIX века — начала XX века. Краеведение насаждалось как «сверху», так и зарождалось «снизу» — в среде российской интеллигенции. Вообще, краеведы, которые вели свои исследования в Российской Империи середины XIX — начала XX вв., могут быть разделены на шесть групп: чиновники, православное духовенство

¹ Исследование выполняется в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (ГБТ № 653-14), в ходе реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ство, педагоги, горные инженеры, политические ссыльные и этнические карелы [7; 45]. Олонецкая губерния представляла собой одну из тех губерний, в которых помимо местных исследований типичного для всего провинциального краеведения России (православно-церковное, чиновничье и школьное разновидности краеведения) существовал особый вид исследований — краеведческая деятельность политических ссыльных.

Одним из ярких представителей краеведения и публицистики, вышедших из среды чиновничества, был Сергей Алексеевич Приклонский, который с 1870 по 1879 годы служил в канцелярии Олонецкого губернатора. И, хотя пик его литературной деятельности приходится уже на период жизни в Москве после отставки со службы, но большую часть материала, на основе которого им затем были созданы многочисленные статьи, С. А. Приклонский получил именно в Карелии.

Среди политических ссыльных, которые занимались краеведческими исследованиями, следует особо выделить Александра Степановича Пругавина, который стал затем крупным исследователем старообрядчества Русского Севера. В конце 70 — начале 80-х гг. XIX в. А. С. Пругавин заявляет о себе постановкой вопроса о необходимости всестороннего исследования «раскола» и религиозных движений в культурном слое общества. Эти исследования с некоторыми перерывами продолжались вплоть до его смерти.

Цель статьи состоит в рассмотрении особенности образов монастырей на Русском Севере, которые создали в своих работах С. А. Приклонский и А. С. Пругавин. Представляется интересным выделить особенности восприятия и описания информации у авторов, так они изначально принадлежали к двум различным направлениям краеведения — традиционного «государственного (чиновничьего)» и «ссыльного». Для этого необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- ﴿ ограничить территориальные рамки изучаемой проблемы — рассмотреть понятие «Русский Север» для интересующей темы,
- ﴿ изучить труды С. А. Приклонского и А. С. Пругавина, рассматриваются и/или упоминаются северные монастыри Российской Империи,
- ﴿ выделить общие (характерные для других исследователей-краеведов) и частные (представленные исключительно указанными авторами) моменты в выделенных материалах.

Понятие «Русский Север» представляет собой не географический, а историко-культурный термин, под которым обычно понимается северная территория Европейской части России, где в силу единства исторических судеб, социально-экономического развития и взаимного влияния население имеет схожие культурно-бытовые особенности. При этом принадлежность той или иной территории к Русскому Северу не может быть заявлено категорично, так как само понятие устоявшегося определения не имеет. В статье мы будем учитывать тот факт, что под территорией Русского Севера (относительно исследуемого периода, то есть середины XIX — начала XX вв.) будет пониматься прежде всего территория Архангельской и Олонецкой губерний. Почему собирание материалов и изучение именно истории монастырей представляется важной именно для этой территории? Развитие Русского Севера как региона издавна определялось колонизационными процессами, в том числе и монастырской колонизацией.

Родившийся в 1850 году в Архангельской губернии в семье инспектора народных училищ А. С. Пругавин за свою жизнь сменил несколько «статусов»: был главой революционного студенческого кружка, имел статус политического ссыльного, считался экспертом в вопросах изучения сектантства в Российской Империи. Можно отметить важный момент в био-

графии А. С. Пругавина — несколько его статей, посвященных узникам монастырских тюрем, вызвали участие некоторых высокопоставленных лица Российской Империи (например великого князя Константина Николаевича). Благодаря этому четверо таких заключенных, один из которых находился в тюрьме Соловецкого монастыря около 15 лет, а еще трое в тюрьме монастыря в Суздале, были освобождены.

В конце 70-х годов XIX века А. С. Пругавин, к этому времени поступивший и некоторое время проучившийся в Петровской земледельческой и лесной академии в Москве, был отчислен из состава студентов «за участие в деятельности общества «Самообразование и практическая деятельность» и «за распространение нелегальной литературы, устройство «противозаконных сходок» и принадлежность к тайному обществу» [6; 43—44]. Власти выслали его в мае 1871 года в Архангельскую губернию под надзор полиции, где он сначала проживал в Шенкурске, а позднее был отправлен еще дальше на север, в город Кемь.

Именно в Кеми, в «главном центре поморского раскола», началось знакомство А. С. Пругавина со старообрядчеством, изучению которого он посвятил затем свою дальнейшую жизнь. Также именно на севере империи А. С. Пругавин имел возможность заводить знакомства с представителями различных религиозных течений, существовавших в народной среде, бывать на их собраниях и изучать их литературные сочинения, чем активно пользовался, собирая ценный для дальнейших исследований материал. В Кеми А. С. Пругавин находился до января 1873 г., после чего был отправлен в Воронеж. В конце 70-х годов вследствие политической неблагонадежности он вновь оказался в Архангельской губернии (в г. Архангельске) под надзором полиции, где пробыл до февраля 1879 года, когда надзор был снят. Но негласное наблюдение за А. С. Пругавиным было прекращено только правительственным циркуляром от 7 июля 1890 года.

С. А. Приклонский родился в 1846 году в Москве в семье священника А. Тимофеева. Он окончил Вифанскую духовную семинарию, но по пути отца не пошёл и путь священника не избрал, а поступил на юридический факультет Московского университета, по окончании которого был определён на службу на Север империи, сначала в Вологодскую, а затем в Олонецкую губернию. С. А. Приклонский также в течение жизни сменил несколько статусов: от царского чиновника и до пособника ссыльных, от правительенного цензора до либерального публициста. В период нахождения на службе в Канцелярии олонецкого губернатора С. А. Приклонский побывал на должностях помощника правителя канцелярии, исправляющего должность делопроизводителя попечительства детских приютов, коллежского регистратора, старшего чиновника особых поручений при губернаторе, докладчика уголовных дел и губернского секретаря. В отставку С. А. Приклонский вышел в 1879 году в чине коллежского секретаря, но при этом за ним был установлен секретный полицейский надзор, из-за его близкого общения с политссыльными, которых в губернии проживало достаточно большое количество. Таким образом, начальный статус С. А. Приклонского изменился: из лояльного к власти чиновника он стал либералом, придерживавшимся народнических взглядов (после общения с такими деятелями народничества, как, например, П. Г. Заичневский, взгляды С. А. Приклонского изменились коренным образом).

Александр Степанович Пругавин и Сергей Алексеевич Приклонский были одними из многих авторов, которые оставили свои воспоминания о Севере Российской Империи, в частности о монашеской жизни и монастырях. Безусловно, воспоминаний, очерков, путевых заметок о карельских землях вообще и о монастырях Русского Севера существует великое множество, ведь краеведение на Европейском Севере начало распространяться еще во второй половине XVIII в. Это и общие крупные труды, как, например, книга Петра Аркадьеви-

ча Энгельгардта «Русский Север: путевые записки» [9] и работы, посвященные изучению конкретных сюжетов, например, «К истории Троицкой Сунорецкой пустыни» А. Воронова [5] и другие. Чем же труды А. С Пругавина и С. А. Приклонского примечательны среди множества описаний путешественников и краеведов? Они могут быть признаны особенно ценными по ряду причин:

- ﴿ Во-первых, С. А. Приклонский и А. С. Пругавин своими глазами видели жизнь на этих территориях достаточно длительное время (первый — на государственной службе в обозначенном регионе, второй — в ссылке), что позволило им не только заметить определённые особенности, но и сделать определённые выводы;
- ﴿ Во-вторых, оба автора не остановились лишь на описании (как делали многие другие путешественники, краеведы и даже ссылочные, оставляя после себя очень подробные, но не содержащие выводов материалы, так называемые дневники путешествий), а изучили заинтересовавший их вопрос очень подробно, обращаясь к архивным данным и работам предшественников;
- ﴿ В-третьих, А. С. Пругавин и С. А. Приклонский, оба принадлежавшие к одному из наиболее ярких идеологических течений, распространявшихся в среде интеллигенции — народничеству (консервативного направления), старались передавать описания окружающей действительности с максимальной честностью и достоверностью, которые часто были недоставлены в текстах проправительственно настроенных авторов.

Образы монастырей Русского Севера содержаться в следующих опубликованных текстах А. С. Пругавина:

1. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством (К вопросу о веротерпимости), 1905
2. Раскол и сектантство в русской народной жизни, 1905.

С. А. Приклонский упоминает северные обители в следующих печатных материалах:

1. Народная жизнь на север, 1884.
2. Письма из Олонецкой губернии (Русские Ведомости), 1879.
3. Странники или бегуны: из народной жизни на севере (Северный Вестник), 1888.

Но если указанные тексты первого автора доступны для изучения (присутствуют в электронных библиотеках), то второго — доступна лишь первая книга из списка.

А. С. Пругавин подробно рассматривает одну из функций монастырей Русского Севера, которую они выполняли начиная с XVI века, а именно пенитенциарную практику, прослеживая историю возникновения и развития монастырских тюрем на примере Соловецкой тюрьмы, истории и современных для автора событий в Соловецком монастыре. Он подробно описывает, кто, за какие провинности (например с формулировками: «за старообрядчество», лица «так или иначе провинившихся против церкви и религии», «виновного или же только заподозренного», «наиболее важных преступников <...> против государства и правительства», «сектантов и других еретиков», «за буйство и дерзкие поступки», «за произнесение дерзких слов», «по ходатайству своих родственников», «лица, совершившие особенно тяжкие уголовные преступления», «виновные в таких противоестественных преступлениях») [3; I—IV], и каким образом («с 1835 года ссылать в монастыри можно было не иначе, как только по Высочайшему повелению» [3; IV]) мог оказаться в монастырской ссылке. Автор приводит цепочку государственных шагов, которая влекла за собой монастырское заключение: «ходатайства о ссылке и заключении в монастырь <...> возбуждаются исключительно

местными духовными властями, священниками и миссионерами, <...> через епархиальное начальство направляются в Святейший Синод. Если последний признает ходатайство <...>, то г. обер-прокурор Синода входит с всеподданнейшим докладом по этому поводу» [3; IV].

А. С. Пругавин также поясняет, каким образом такая функция монастыря, как духовно-нравственная, служила государственным интересам, подробно рассматривая цели монастырской ссылки: «Прежде всего, конечно, имелось в виду <...> наказать <...>; затем — лишить его возможности распространять свои заблуждения, пресечь <...> пропаганду идей; и, наконец, исправить его, заставить его раскаяться в заблуждениях, по возможности привести его снова в лоно православной церкви» [3; V]. Автор отмечает, что эти обязанности — «монастырь в качестве острога и монах в роли тюремщика» [4; 178] — представляли для монастырской братии тяжёлый долг. Часто в монастырях квартировалась особая солдатская команда для присмотра за арестантами. Причём А. С. Пругавин отмечает особый момент, когда сами караульные «совращались» идеями арестованных.

Большая часть материала в работах А. С. Пругавина посвящена одному из крупнейших монастырей Русского Севера, а именно Соловецкому монастырю. Но сам автор отмечает, что «у читателя может явиться мысль, что только эти два монастыря (кроме Соловков много внимания автор уделяет и одному из монастырей центральной России Спасо-Евфимиевскому — Н. К.) и служили у нас местом ссылки и заточения. Но такое предположение совершенно не соответствовало бы истине» [3; VIII]. Он упоминает довольно обширный список монастырей Русского Севера (как мужских, так и женских), которые также являлись местами ссылки и заточения различных категорий преступников: Николаевский Корельский (Архангельская губерния), Сийский (р. Северная Двина), Спасо-Прилуцкий (Вологда), Новгород-Северский, Кирилло-Белозерский, Валаам и другие.

А. С. Пругавин показывает, что монастырские тюрьмы, игравшие «важную, огромную роль в общественной, народной жизни России» [3; II], использовались для наказания лиц, виновных в самых разнообразных преступлениях и проступках. Автор выделяет несколько категорий узников, используя привычную градацию (политические узники, религиозные преступники, уголовные преступники) и приводя пример своей: лица, сосланные туда за дерзкие и оскорбительные слова (против государства, церкви); лица, сосланные за реальные преступления (религиозного характера, уголовные, против государства и власти).

Ещё одним важным моментом в описании монастырей Русского Севера в работах А. С. Пругавина можно считать описание их как крупных идеологических центров, связанных со старообрядчеством. Палеостровский и Соловецкий монастыри автор описывает как места, напрямую связанные с «расколом» и старообрядческими течениями.

Таким образом, можно выделить два аспекта деятельности монастырей, которые интересуют А. С. Пругавина: монастыри как центры, связанные со старообрядческой деятельностью на Севере Российской Империи и пенитенциарная функция монастырей. Последняя интересует автора в большей степени, возможно потому, что монастыри нередко служили местом ссылки не только для духовных лиц и уголовных преступников, но и для политических ссылочных, к которым автор и принадлежал. Кроме того, именно монастырское заключение противников режима составляло особенность жизни северных монастырей, что также представлялось А. С. Пругавину интересным для изучения.

С. А. Приклонский рассматривает монастыри на Севере Российской империи прежде всего как субъекты земельных отношений и отношений с крестьянской общиной. В книге «На-

родная жизнь на Севере» он часто подмечает, что монастыри были одними из ростовщиков, которые обирали местных крестьян, загоняя их в кабальную зависимость [2].

И даже такой сюжет, как бегство приверженцев старообрядчества на Выг и создание ими позднее одной из крупнейших обителей на Севере, С. А. Приклонский связывает с «изюмленным славянами занятием — земледелием» [2; 88]. Почему так много внимания он уделяет именно связи крестьянина с землёй? Возможно, впервые автор задумался над этой проблемой ещё будучи царским чиновником, когда объезжал с инспекцией уезды Олонецкой губернии и видел, как и чем живут крестьяне. В дальнейшем С. А. Приклонского заинтересовал вопрос о причинах столь бедственного положения крестьянства в губернии, ведь проводя сравнение статистики урожайности, он отмечал, что те сам 3—4, которые в среднем получали карельские крестьяне в 1876—1879 гг., «явление обыкновенное в России» [2; 35]. Автор пытается найти ответ на этот вопрос, обращаясь к проблеме обнищания крестьянства, и как один из множества факторов, способствовавших этому, выделяет именно ростовщическую деятельность местных монастырей.

Таким образом, следует заключить, что С. А. Приклонский в своих исследованиях также останавливается на двух исторических аспектах, связанных с монастырями Севера — хозяйственная активность обителей и связь местных монастырей со старообрядчеством.

Изучая взгляды А. С. Пругавина и С. А. Приклонского на монастыри Русского Севера, их историю, функции и роль в жизни местного населения, можно сделать следующие выводы:

- ⌘ обоих авторов интересует связь северных монастырей с таким ярким и неоднозначным явлением в истории России, как старообрядчество: их роль в его распространении и развитии, складывание старообрядческих центров,
- ⌘ наибольший интерес у С. А. Приклонского вызывала хозяйственная функция монастырей как субъектов земельных отношений на Русском Севере,
- ⌘ А. С. Пругавин проявил интерес к другой функции монастырей, а именно к пенитенциарной практике, осуществлявшейся в обителях.

Попытаемся объяснить, почему две такие разные функции — хозяйственная и пенитенциарная — представлялись этим авторам значимыми для изучения и описания. Многие краеведы Карелии не являлись профессиональными историками. Свои научные интересы они связывали с родом деятельности. Не стали исключением С. А. Приклонский и А. С. Пругавин, которые рассматривали историю монастырей Русского Севера с точки зрения народнической идеологии, что подтверждает тезис о существовании в дореволюционном краеведении двух различных по качественному составу лагерей — государственного и общественного. Работы А. С. Пругавина, написанные в конце XIX — начале XX вв., были в русле тенденций, характерных для российской исторической науки второй половины девятнадцатого столетия, — «создание компактных работ концептуального характера <...> работ по частным вопросам» и обозначение в работах «черт региональной историографии, самостоятельно разрабатывающей историю своих территорий» [8; 197]. Он начал свою исследовательскую деятельность, находясь в ссылке в Архангельской области, и позднее продолжил ее, уже освободившись из-под надзора полиции. То есть, мы можем заключить, что вся его работа по изучению и описанию местной действительности строилась на идеологии народничества, от которого он не отступал на протяжении всей жизни.

В отличие от А. С. Пругавина, С. А. Приклонский начинал свою деятельность в роли писателя-публициста и исследователя, находясь на государственной службе, то есть, априори входя в состав государственного краеведения. Но в дальнейшем, после сближения с поли-

тическими ссылочными в Олонецком край и выхода в отставку, политические взгляды С. А. Приклонского претерпели изменения. Начиная с конца семидесятых годов XIX века, он придерживался консервативной народнической идеологии и строил свои произведения на данной базе. Таким образом, представляется возможным утверждать, что данный автор также придерживался народнической традиции при создании своих очерков и статей.

По-видимому, ключевым моментом в определении исследовательских интересов обоих авторов послужила поддержка ими народнической идеологии. Несмотря на то, что А. С. Пругавин и С. А. Приклонский принадлежали к различным направлениям краеведческих исследований, их идеологические и политические взгляды во многом совпадали. В Российской Империи в XIX веке в обществе «обозначились три вектора для выявления национального культурного идеала» [1; 85]: славянофильство, западничество и народничество. И если первые идеализировали образ древнерусской православной святости, вторые высоко выдвигали в качестве решающего ориентира просвещенного национального развития Запад и его культуру, то народники провозглашали, что именно разгадка тайны народного духа позволит заложить новый виток развития самобытной светской культуры России. Оба автора принадлежали к такому направлению, как народничество, а точнее — к его консервативному направлению. Само консервативное народничество в некоторых идеологических моментах пересекалось со славянофильством.

К тому моменту, как рассматриваемые авторы начали активную публицистическую деятельность (вторая половина 70-х годов XIX века), уже потерпело неудачу первое организованное «хождение в народ». Сами народники осознали, что они не смогли найти общий язык с крестьянством по той причине, что не знают ни его жизни, ни его традиций, ни его интересов и надежд, и решили, что для исправления ошибок и дальнейшего движения народ необходимо сначала изучить. И представители консервативного течения в народничестве с успехом реализовали эту задачу: было написано и издано в столичных газетах и журналах огромное количество статей, очерков, заметок; опубликовано большое количество работ по вопросу «особенностей» народной жизни.

Ориентация на сближение с народом, попытки понять его жизнь, его общинное начало и обуславливали интерес С. А. Приклонского к хозяйственной деятельности в Олонецкой губернии. А так как земли губернии были малоплодородными и малопригодными для сельского хозяйства, а население, как правило, малоземельным, то автор не мог не обратить внимания на деятельность монастырей как хозяйствующих субъектов, ведь именно они зачастую обладали большим количеством земли и диктовали условия местному населению в округе. Возможно, если бы жизненный путь С. А. Приклонского не оборвался в достаточно молодом возрасте (он умер в 40 лет), его взгляды могли бы измениться под влиянием политических и церковно-государственных преобразований.

Анализируя интересы А. С. Пругавина, стоит отметить, что он сам был родом и позднее долгое время проживал в Архангельской губернии, которая по праву могла считаться одним из центров «политической ссылки» Российской Империи. Это обстоятельство, а также тот факт, что сам автор был в числе политических ссыльных (8 лет), во многом обусловило формирование его исследовательских интересов вокруг положения ссыльных в империи вообще и в северном крае в частности. И А. С. Пругавин не мог не затронуть в своих работах вопрос о роли монастырей в политической ссылке, ведь северные обители играли роль тюрем в России начиная со средних веков.

При этом разница в направлениях изучения у авторов отчасти объяснима потому, что они изначально находились в разных исходных условиях: А. С. Пругавин начал свою исследовани

тельскую и публицистическую деятельность в статусе ссыльного, а С. А. Приклонский — в статусе правительского чиновника. На наш взгляд, именно это явилось первопричиной интереса первого к такой противоречивой монастырской функции как пенитенциарная, и, соответственно, второго — к «созидающей» (экономической функции).

Что же касается исследовательского интереса к старообрядчеству на Севере, то здесь можно предположить, что, во-первых, это направление оба автора считали перспективным для изучения, так как вопрос о старообрядчестве во второй половине XIX века в Российской Империи был одним из самых спорных и неоднозначных.

Кроме того, интерес к данной проблеме вытекал из первоначального интереса к тем функциям, которые осуществляют монастыри. Хозяйственная деятельность и практика использования монастырей в качестве мест ссылки и заключения напрямую имела связь со старообрядчеством: старообрядческие монастырские центры чаще всего являлись одновременно и крупнейшими хозяйствующими субъектами в регионе, а использование монастырей как мест для исправления «вероотступников» практиковалось с эпохи средневековья и после церковной реформы Никона обрело второе рождение. Да и само народничество по своей сути перекликалось и со старообрядчеством, и с идеями русской культуры: в основе — нравственный идеал и вера в то, что именно нравственное поведение поможет изменить мир. Эти идеи («следуй нравственному правилу... и все устроится само собой»[1; 85]) мы можем встретить как в материалах консервативных народников, так и в работах старообрядческих наставников. Поэтому мы встречаем упоминания о старообрядчестве в монастырях и о старообрядческих монастырских центрах на Русском Севере в работах С. А. Приклонского как о хозяйствующих субъектах, а у А. С. Пругавина как о местах заключения для старообрядческих и сектантских духовных наставников.

Таким образом, материалы А. С. Пругавина и С. А. Приклонского о монастырях Русского Севера выводят на первый план экономическую и пенитенциарную функции монастырей на севере, в противовес духовной-нравственной функции и другим функциям, считавшимся наиболее важными (образовательная, социальная). С точки зрения рассмотрения этих же функций описывается и роль монастырей в таком движении в империи, как старообрядчество.

Список литературы

1. Жукоцкий В. Д. Русская Реформация XX века: статьи по культурологии советизма / В. Д. Жукоцкий, З. Р. Жукоцкая. — Москва : Новый хронограф, 2008. — С. 85—107.
2. Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере / С. А. Приклонский. — Москва : Типо-Литография И. Н. Кушнерева и К°, 1884. — 367 с.
3. Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. (К вопросу о веротерпимости). — Москва : «Посредник», Серия «Для интеллигентных читателей», 1905.
4. Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. — Москва : Тип. И. Д. Сытина, 1905. — 93 с.
5. Воронов А. К истории Троицкой Сунорецкой пустыни // Олонецкие губернские ведомости. 1900. № 60. — С. 2.

Пашков А. М. А. С. Пругавин: от революционных кружков до изучения старообрядчества (1869—1881 гг.) / А. М. Пашков // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — Москва : РГГУ, 2010. — № 7. — С. 43—55.

6. Пашков А. М. Историческое краеведение конца XVIII — начала XX в. как социокультурное и историографическое явление (на примере Карелии) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — Москва : РГГУ, 2012. — № 6. — С. 45—57
 7. Пашков А. М. Историческое краеведение Русского Севера в контексте развития российской историографии и культуры конца XVIII — начала XX в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — Москва : РГГУ, 2009. — № 17. — С. 191—200
 8. Энгельгардт А. П. Русский Север: путевые записки / А. П. Энгельгардт. Санкт-Петербург : Издание А. С. Суворина, 1897. — 258 с.: ил.

Monasteries of the Russian North in studies of A. S. Prugavin and S. A. Prikłonsky

Natalia Y. Kuznetsova

Petrozavodsk State University

Abstract: The article examines the role played in the development of local history in the Russian North in the 19th — early 20th century. different groups of local lore. The author examines the representatives of local history, emerged from the midst of the bureaucracy and political exiles: Olonetsky kolezhskogo Secretary populist journalist and researcher Karelia A. Prikłonsky (1846—1886) and political exiles, then became famous explorer of the Old Believers A. Prugavin (1850—1920). The article deals with one of the private aspects of their research, namely, the question of the activity of the monasteries in the Russian North. Both authors share similar political views, namely the ideology of populism, so they treated the specific functions of the northern monasteries, such as the prison and economic.

Key words: populism; S. A. Priklonsky; A. S. Prugavin; Russian North; Old Believers